

ВЛАДИМИР
КОНКИН:

«Сегодня нам снова нужны Шараповы»

Андрей Морозов

Совсем недавно фильм «Место встречи изменить нельзя» отпраздновал свое 25-летие. Как ни странно, но главный герой фильма о борьбе с бандитизмом в первые послевоенные годы по сей день остается Героем нашего времени, а Владимир Конкин, воплотивший его на экране, — одним из самых востребованных актеров России. Сейчас в Москве заканчиваются последние репетиции нового спектакля «Кукушкины слезы», где актер сыграет главную роль. В перерыве между репетициями Владимир КОНКИН ответил на вопросы «Новых Известий».

— Владимир Алексеевич, мы с вами очень долго договаривались о встрече. Вы то

на съемках, то на гастролях, то у вас репетиции спектакля. Не утомляет такое расписание?

— Я сам выбираю ритм своей жизни. Вы наверняка в курсе, что многие актеры, находящиеся в самом творческом соку, сегодня в застое. Это печально, потому что всякая индивидуальность — неважно, насколько она ярко выражена, — имеет право на существование. У меня, слава Богу, есть право выбора. Согласитесь, что на сегодняшний день такое право есть не у каждого актера, поэтому многие, к сожалению, снимаются в рекламе, занимаются тем, что им дает корм, как говорится. Но от этого страдает творчество. Может быть, они оправдывают свои поступки тем, что сегодня такое время, что нужно крутиться-вертеться, чтобы заработать, и что возможны компромиссы. Я этого не приемлю.

Окончание на стр. 20

Новые Известия - 2004 - 17 фев. - с. 1, 20.

ВЛАДИМИР КОНКИН:

«...НАМ СНОВА НУЖНЫ ШАРАПОВЫ»

Владимир Конкин в фильме «Романовы – венценосная семья».

Окончание. Начало на стр. 1

– Но сейчас время такое – предлагают гонорары, от которых трудно отказаться...

– Я понимаю, что сегодня время товарно-денежных отношений и творчество тоже можно купить. Но мне не предлагали никогда таких баснословных сумм, от которых закружилась бы голова. А ведь мне деньги тоже нужны. Мне есть кого кормить. Я женат уже 33 года, у меня супруга никогда не работала, у меня трое детей и трое внуков. У меня большое семейство, и оно нуждается в бабушкиной поддержке. Но тем не менее я отказываюсь от предложений, которые оскорбляют мое творчество, или когда из меня хотят сделать какую-то марионетку. Я никогда не хотел быть куклой в руках Карабаса-Барабаса. Поэтому я умею затягивать пояс, делать в нем еще одну дырочку, ну и что? Зато форму поддерживаю.

– После картины «Как закалялась сталь» вы стали одним из самых популярных актеров страны. Легко ли переносить такую славу, внимание тысяч людей к каждому шагу, поступку?

– После картины «Как закалялась сталь» мне проходу не давали, на меня бросались толпы поклонниц, мне приходили десятки тысяч писем, я почти полмира объездил. Искушений было очень много. Тогда я понял, что такое слава и как это страшно. И я не лукавлю, когда это говорю. Я был готов ко многому, но не к тому, что такая лавина молодых девчонок мне не давала бы проходу. Вы думаете, меня это не смущало? Еще как смущало! А ведь съемки шли полтора года, и все это время я не видел свою семью. Как, по-вашему, это было вынести молодому мальчишке, ведь мне тогда было 22 года? В те дни спасали только письма – хорошо, что мои родители научили меня писать их. Я писал письма семье, и меня это утешало.

– Вы прожили с женой 33 года. Для актерской среды это редкость. Как вам удалось сохранить отношения?

– В этом вся вина моей супруги Ал-

лы. Она как никто понимает и терпит меня, ведь актеру свойственно определенное кокетство, и он привлекает к себе внимание. Моя супруга красивая и умная женщина. Для нее наша семья – наш замок, мы вместе его строили, и никто посторонний не может в него войти. Моей супруге со мной очень часто было непросто. Но мне очень дорого в ней, что она не поверит ни во что плохое, что ей могут рассказать обо мне. Она знает обо мне больше, чем я о себе... 18 лет назад мы обвенчались. Венчаться сразу после нашей свадьбы было невозможно, не те были времена, и к вере мы пришли не в 20 лет. А вот когда «узаконили» наши отношения в церкви, признаюсь, жить после этого стало сложнее. Потому что мера духовной ответственности у меня усилилась. У нас ведь чуть снег сошел, тут же молодые красивые женщины с обнаженным животиком ходят, и не знаешь, куда глаза девать, чтобы не видеть этого. Мне приходится работать с прекрасными актрисами. Иногда я встречаю умных красивых женщин – это редкое сочетание очень эксклюзивно сегодня, в красивых женщинах прибавилось жестокости. Но есть, есть приятные исключения! Когда я вижу это сочетание ума и нежности, доброты и изысканности, то, признаюсь, сердце начинает трепетать... И вот тут я судорожно начинаю внутренне креститься и молить Господа, чтобы он спас меня. Более того, бывает, что и я импонирую женщинам, и многое начинает казаться возможным. Но это еще страшнее. На это у меня табу.

– Как вы сортируете предложения режиссеров? Из-за чего вы отказываетесь от съемок или спектаклей?

– Меня оскорбляет тот безумный сленг, тот так называемый русский язык, который и языком-то назвать невозможно, на котором говорят современные герои. Меня оскорбляют ситуации, описанные в произведениях, часто они шокируют меня своим цинизмом или глупостью. Вы никогда не увидите меня ни на тусовках, ни в шоу-программах, не прочтете лишнего интервью. Мне этого ничего не нужно. Я люблю литерату-

ру, сам пописываю что-то о Гоголе, Чаадаеве, Паганини. Я всю жизнь пишу дневники, мне есть что проанализировать, ведь жизнь у меня была и остается насыщенной. Меня раздражает язык, которым пользуются наши драматурги. Там не отличишь уголовного от милиционера, они отличаются только тем, что у одного есть корочки, а у другого нет. В таких «произведениях» нет никакой словесной характеристики, все говорят на одном помоечном языке. К тому же эта уголовная тема доминирует в нашем искусстве. Ну, сколько можно про это? Как бы ни пыжились, а все равно лучше «Места встречи...» ничего нет, а ведь картине недавно исполнилось 25 лет.

– Как вы думаете, почему этот фильм до сих пор любим зрителями?

– Мне кажется, потому что в нем заложено то главное, по чему люди соскучились – по доброму дяде, даже по тому, что можно обратиться за советом к милиционеру. Если этот фильм можно назвать сказкой, то это сказка добрая, потому что добро там все-таки побеждает, бандюги наказаны, Жеглов оказался не совсем порядочным человеком, и поэтому они с Шараповым разошлись в разные стороны. Шарапов – достойный представитель послевоенного поколения, человек, который прошел огонь и воду и при этом не оскотинился душой. В таких людях наше общество сейчас сильно нуждается. Людям важно быть услышанными. Недаром в стране появилось столько религиозных сект, люди тянутся к ним. Общество нуждается в духовности, а нам по ТВ говорят, что мы, наоборот, бездуховные, что сейчас время жестких людей. Мне приходилось встречаться с людьми, у которых тяжелейшее уголовное прошлое, у них расстрельные статьи, и всю жизнь оставшуюся они будут сидеть в тюрьме. Они видели, что я не следователь, не гуру какой-то, и такое рассказывали мне о своей жизни... Я понял, что каждый человек нуждается в духовной поддержке. Все-таки Господь создает нас такими, что душа стремится к высокому. Другое дело, в какой среде находится чело-

Владимир КОНКИН родился 19 августа 1951 года в Саратове. В 1972 году окончил Саратовское театральное училище им. Ивана Слонова. В 1972–1973 гг. – актер Харьковского ТЮЗа, в 1973–1974 гг. – академического Театра имени Моссовета, с 1974 г. – актер Киностудии имени А. Довженко, с 1979 г. – московского Театра имени М. Ермоловой, в 1988–1991 гг. – Театра-студии под руководством Е. Радомысленского, в 1991–1994 гг. – Театра «Вернисаж». С 1994 года параллельно с актерской работой Конкин начал заниматься режиссурой. С 1999 года – актер московского Театра «Арт-факт». В кино с 1973 года. Этапные роли – Павел Корчагин («Как закалялась сталь»), Суслин («Аты-баты, шли солдаты...»), Кирсанов («Отцы и дети»), Шарапов (телесериал «Место встречи изменить нельзя»). С 1980 года пишет рассказы и эссе. Лауреат премии Ленинского комсомола (1974, за исполнение роли Павки Корчагина в телесериале «Как закалялась сталь»). Заслуженный артист Украинской ССР (1974).

век – получает ли он поддержку? Как правило, нет. А стремление остается, и со временем оно начинает превращаться в некое зло – раз меня обидели, значит, и я буду обижать. Бога мы не видели, а в жизни столько соблазнов! В первую очередь деньги. Они дают свободу, у человека появляются машины, яхты, самолеты. За деньги можно купить все! Поэтому денежный мешок, пришедший в кино сейчас, диктует свои правила игры. Мы с вами – журналисты и деятели искусства – имеем большое влияние на людей. Но как часто нас с вами покупают, и мы идем на безумные компромиссы, а потом каемся: Господи! Что я сделал?

– Сейчас многие в России ищут Бога в сектах, они становятся популярнее, чем традиционные православие или ислам...

– Когда в семнадцатом году произошел весь тот ужас, который называется революцией, церковь утратила свои духовные позиции. Ей пришлось пойти на компромиссы, иначе бы она была уничтожена. Одна из самых демонических фигур, Ленин ополчился перво-наперво на церковь, он истреблял так называемых попов повсеместно, ведь нужно было внести новые ценности в жизнь. На протяжении 70 лет ставились химические задачи перед страной. Я был в 3-м классе и помню, как XXII съезд партии решил, что через двадцать лет у нас будет коммунизм. Ничего этого не произошло. Кроме того, что в Саратовской губернии, где я тогда жил, наступил голод. В нашем домике выдавали по мешочку крупы на месяц. Было истреб-

лено огромное число людей, которые могли мыслить, другая часть нашей интеллигенции была вынуждена уехать в эмиграцию. Страна оказалась в определенном вакууме. Сколько можно вспомнить имен диссидентов за все время советской власти? Даниэль, Синявский, Сахаров, ну, еще несколько. И что это? Десять – двадцать человек на 200 миллионов тогдашних советских граждан. Люди потеряли ориентиры, демократия была на кухонках, и все жили двойной жизнью. Когда все это в одночасье рухнуло, то церковь не была достаточно мощной. Еще 15 лет назад мы представить себе не могли, что можно свободно ходить в храм и праздновать церковные праздники. Тем более, если ты был комсомольцем или партийным. А если ты к тому же сыграл Корчагина?

После развала СССР, после падения коммунистического режима у миллионов людей отняли завтрашний день, они, если можно так сказать, остались бесхозными. Многие из них стали терять работу, НИИ и заводы стали закрываться. Наверное, поэтому появилась тогда востребованность в разного рода чумаках и кашпировских, людям нужна была иллюзия, которая, как наркотик, приводила бы их хоть в какое-то состояние покоя. Не хочется говорить банальности. Но сейчас обществу необходимо искусство, которое предлагает какие-то ценности. Искусство все-таки должно врачевать. Я не в маразме, но хочу, чтобы эта альтруистическая идея меня не покидала, хочу ей следовать и дальше.